

Сказка Туве Янссон " Хемуль, который любил тишину "

Жил да был Хемуль, который работал в парке с аттракционами.

Однако не надо думать, что подобное занятие – это сплошное веселье. Он пробивал дырки в билетах, чтобы посетители не смогли получить удовольствие несколько раз подряд, что уже само по себе настраивает на грустный лад, особенно если заниматься этим всю жизнь.

А Хемуль всю жизнь пробивал дырки в билетах, и, пробивая дырки, он мечтал о том времени, когда наконец-то выйдет на пенсию.

Если вы не знаете, что значит выйти на пенсию, то представьте, что когда-нибудь вы сможете делать все, что пожелаете, нужно только стать достаточно старым. По крайней мере так это объясняли родственники Хемуля. У него было очень много родственников, множество огромных, неуклюжих, шумных, болтливых хемулей, которые колотили друг друга по спине и раздражались оглушительным хохотом.

Хемули были владельцами парка и аттракционов, и кроме того, они еще дудели на трубе, метали молот, рассказывали смешные истории и вообще веди себя очень шумно.

А наш Хемуль не был ни владельцем парка, ни владельцем аттракционов, потому что он относился к побочной линии, то есть состоял с ними всего лишь в дальнем родстве, и поскольку он никогда никому не мог отказать и вообще был очень покладистым, ему приходилось присматривать за детьми и прокалывать дырки в билетах.

"Ты очень одинок, и тебе нечем себя занять, – говорили хемули с добродушной ухмылкой. – А если ты нам немного поможешь, это наверняка поднимет твоё настроение". "Но я никогда не бываю один, – пытался возразить Хемуль. – Я не успеваю. Мне все время кто-нибудь хочет поднять настроение. Простите, но я бы лучше..."

"Вот и молодец, – говорили родственники, похлопывая его по плечу. – Так и надо. Всегда быть бодрым, веселым, всегда при деле..." И Хемуль снова принимался за свои билеты, мечтая о чудесной, абсолютной тишине и об одиночестве, которое ждет его на пенсии. Ему очень хотелось как можно быстрее состариться.

Крутились карусели, играли трубы, и парк каждый вечер оглашался громкими криками. Задумчивый и грустный, наш Хемуль постоянно видел вокруг себя пляшущих, горланящих, смеющихся, спорящих, все время что-то жующих или пьющих посетителей, и в конце концов он стал бояться шумных и веселых компаний.

Спал он в детской, и по ночам, когда ребяташки просыпались и начинали плакать, развлекал их игрой на шарманке. Кроме того он брал на себя все мелкие домашние заботы, весь день проводя среди своих шумных, бестолковых родственников, которые всегда пребывали в отличном настроении и рассказывали ему обо всем, что они думают, что они делают или собираются делать. Но ему самому они не давали и слова вставить.

"А я скоро состарюсь?" – как-то раз за обедом спросил Хемуль. "Состаришься? Ты?! – весело воскликнул его дядюшка. – Нет, еще не скоро. Да не вешай ты нос, каждому из нас столько лет, на сколько он себя чувствует". "Но я чувствую себя ужасно старым", – с надеждой сказал Хемуль. "Не говори глупостей, – сказал дядя. – Кстати, сегодня вечером мы решили поразвлечься и устроить фейерверк, и до самого рассвета будет играть духовой оркестр".

Но никакого фейерверка не было, а был проливной дождь, который шел всю ночь, весь следующий день, и еще день, и целую неделю.

По правде говоря, дождь шел восемь недель не переставая, до сих пор еще никто и никогда не слышал ни о чем подобном.

Парк сник и погрузился, точно увядший цветок. Все в парке поблекло, поржавело, покосилось, а поскольку он стоял на песке, то все строения сдвинулись с места и начали расползаться в разные стороны.

Издана последний вздох железная дорога, карусели, покругившись в огромных грязных лужах, медленно, с жалобным стоном поплыли по рекам, русла которых были размывы дождем. Все ребяташки – кнуты, хомсы, мюмлы и прочие – сидели, уткнувшись мордашками в оконное стекло, и смотрели на этот нескончаемый дождь и на уплывающее от них веселье.

Комната смеха обрушилась, разбившись на миллионы осколков, а красные, насквозь промокшие бумажные розы из павильона чудес поплыли по окрестным полям. И по всей долине разносился жалобный плач ребяташек.

Они приводили в отчаяние своих пап и мам, но те ничего не могли поделать и лишь горевали об утрате парка.

С деревьев свисали вымпелы и лопнувшие воздушные шары, беседка была вся забита тиной, а трехголовый крокодил, лишившись двух голов, уплыл в сторону моря.

Хемулей все это ужасно забавляло. Они стояли у окна, смеялись, показывая пальцами на улицу, колотили друг дружку по спине и кричали:

– Гляди-ка! Вон поплыл занавес из арабских сказок! А вон кусочки кожи из комнаты ужасов! Вот здорово, правда?!

Нисколько не огорчившись из-за потеря аттракционов, они решили на их месте устроить каток – разумеется, когда вода замерзнет, – и обещали бедному Хемулю, что он и там сможет прокалывать билеты.

– Нет, – неожиданно сказал Хемуль. – Нет, я не хочу. Я хочу на пенсию. Я хочу делать то, что мне нравится, и жить в полном одиночестве где-нибудь там, где нет шума.

– Но, дорогой дядюшка, – изумился его племянник, – ты это серьезно?

– Конечно, – сказал Хемуль. – Я говорю совершенно серьезно.

– Почему же ты не сказал этого раньше? – спросили озадаченные родственники. – Мы думали, тебе весело.

– Я не решался, – признался Хемуль.

Тогда они снова засмеялись, ситуация показалась им необычайно комичной: выходит, их родственник всю свою жизнь делал то, что ему не хочется, только потому, что не смел отказаться.

– Ну а чем бы тебе хотелось заняться? – с мягкой улыбкой спросила одна из тетушек.

– Я хочу построить игрушечный домик, – прошептал Хемуль.

– Самый красивый домик на свете, в несколько этажей, со множеством комнат и чтобы все в нем было как настоящее и везде была бы абсолютная тишина.

При этих словах хемули чуть животики не надорвали. Они толкали друг друга в бок и кричали: "Игрушечный домик! Вы сдыхали! Он хочет игрушечный домик!" Они даже прослезились от смеха. А насмеявшись, сказали:

– Милый ты наш, делай все, что тебе заблагорассудится! Мы отдадим тебе старый бабушкин парк, сейчас-то там уж точно полнейшая тишина. Живи там и играй себе на здоровье в любые игры, какие тебе нравятся. Счастливо!

– Спасибо, – сказал Хемуль, а у самого сердце защемило от тоски и обиды. – Я знаю, что вы всегда желали мне добра.

Его мечта об игрушечном домике с уютными, красивыми комнатками умерла, хемули убили ее своим смехом. Но их вины в этом не было. Они бы искренне огорчились, если бы кто-нибудь им сказал, что они чем-то ему не угодили. Вот как опасно бывает рассказывать о своем самом сокровенном всем без разбору.

Хемуль отправился в старый бабушкин парк, который стал теперь его парком. С собой он нес ключ.

Парк был закрыт с тех самых пор, как бабушка, развлекаясь фейерверком, подожгла дом и ей со всем семейством пришлось оттуда съехать.

С тех пор минуло уже много лет, и отыскать дорогу оказалось делом нелегким: парк сильно разросся, а все тропинки залило водой.

Пока он шел, дождь прекратился – прекратился так же внезапно, как и начался восемь недель назад. Но Хемуль этого не заметил. Он весь был поглощен своим горем – мыслями об утраченной мечте: ведь у него больше не было желания строить домик.

Но вот между деревьями он увидел каменную стену, во многих местах обвалившуюся, но все еще довольно высокую. Железные решетчатые ворота заржавели, и замок Открылся с большим трудом.

Хемуль вошел, запер за собой ворота – и вдруг забыл об игрушечном домике. Впервые в жизни он открыл дверь своего собственного дома. Отныне он будет жить в своем доме.

Постепенно тучи рассеялись, и выглянуло солнце. От мокрой листвы поднимался пар, и все вокруг сверкало, дышало свежестью и покоем. За парком уже давно никто не ухаживал, ветви деревьев склонялись к самой земле, буйно разросшийся кустарник весело и задорно карабкался по стволам, а зеленый ковер вдоль и поперек пересекали звенящие ручьи, вырытые в свое время по распоряжению бабушки. Ручья эти, когда-то служившие нуждам семейства, текли теперь для собственного удовольствия. Перекинутые через них мостики в большинстве своем сохранились, а вот дорожки давно заросли травой.

Забыв обо всем на свете, Хемуль с головой окунулся в эту приветливую зеленую тишину, он прыгал, плясал, кувыркался – словом, вед себя, точно веселый, озорной щенок.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

"Ах, какое счастье, что я наконец-то состарился и вышел на пенсию, – думал он. – О, как я благодарен моим родственникам. И теперь мне даже не надо все время о них думать".

Он ходил по высокой сочной траве, он обнимал стволы деревьев и, наконец утомившись, задремал на солнечной поляне в глубине парка. Когда-то здесь был бабушкин дом. Но грандиозные празднества с фейерверками давно отшумели, теперь тут поднялись молодые деревца, а в бабушкиной спальне разросся огромный розовый куст со множеством красных бутонов.

Пришла ночь, рассыпавшая по небу крупные, яркие звезды, а Хемуль все восторгался своим парком, таким огромным и таинственным. И не беда, что здесь легко заблудиться, – ведь весь парк был его домом.

И он все бродил и бродил по своим новым владениям.

Отыскав бабушкин старый фруктовый сад и глядя на груши и яблоки, сиротливо лежавшие под деревьями, он подумал: "Как жаль, я не смогу съесть и половины. Надо бы..." И забыл, о чем думал, очарованный тишиной и покоем.

Он любовался лунным светом, мерцавшим в просветах между стволами, восторженными глазами смотрел и на сами деревья, сплетал из листьев венки, которые вешал себе на шею. В эту первую ночь он так и не ложился спать.

А утром зазвенел старинный колокольчик, все еще висевший над решетчатыми воротами. Хемуль встревожился. Кто-то хотел войти в его парк, кому-то что-то от него было нужно. Он осторожно забрался в кустарник, росший вдоль стены, и затаился. Колокольчик вновь зазвенел. Хемуль вытянул шею и увидел совсем крошечного хомса, стоявшего за воротами.

– Уходи отсюда! – испуганно закричал Хемуль. – Это частное владение. Я здесь живу.

– Я знаю, – ответил малыш Хомса. – Меня послали хемули, чтобы я принес тебе обед.

– Ах, вот оно что, очень мило с их стороны, – кротко молвил Хемуль.

Он отпер замок и, чуть приоткрыв ворота, принял корзинку с провизией. И тут же снова закрыл ворота. Но Хомса все не уходил, и какое-то время они молча смотрели друг на друга.

– Ну а как ты вообще поживаешь? – едва скрывая нетерпение, спросил Хемуль. Он переминался с ноги на ногу, и больше всего на свете ему хотелось снова укрыться в своем парке.

– Плохо, – признался Хомса. – Всем нам очень плохо. Нам, малышам. У нас больше нет парка и аттракционов. И нам всем очень грустно.

– А... – отозвался Хемуль, уставившись себе под ноги. Ему ужасно не хотелось думать ни о чем грустном, но он так привык выслушивать других, что был не в силах уйти.

– Тебе, наверное, тоже грустно, – посочувствовал ему Хомса. – Ты раньше прокалывал дырочки в билетах. Но если перед тобой стоял какой-нибудь совсем маленький грязный оборвыш, ты щелкал щипцами только для вида. Ты пропускал нас два или три раза по одному и тому же билету!

– Это просто потому, что я не очень хорошо вижу, – объяснил Хемуль. – Тебе не пора домой?

Хомса кивнул, но по-прежнему не уходил. Он подошел вплотную к воротам и, просунув мордочку сквозь решетку, прошептал; – Дядюшка Хемуль, у нас есть тайна.

Хемуль в испуге отшатнулся, он не любил чужих тайн и секретов.

Но Хомса возбужденно продолжал:

– Мы почти все спасли и спрятали в сарае у Филифьонки. Ты даже не знаешь, как нам пришлось попотеть, – мы тайком убегали по ночам и вылавливали все это из воды, снимали с деревьев, потом сушили, чинили и старались, чтобы все выглядело, как раньше!

– О чем ты говоришь? – спросил Хемуль.

– Об аттракционах, конечно! – закричал Хомса. – Мы нашли все, что смогли, все, что сохранилось! Правда, здорово?! Если хемули сумеют собрать вместе все эти кусочки, ты снова сможешь пробивать дырочки.

– Ох, – вздохнул Хемуль и опустил корзинку на землю.

– Здорово, да? Ты небось и не ожидал, что услышишь такую новость. – Хомса радостно засмеялся, помахал на прощанье и исчез.

На следующее утро Хемуль с замиранием сердца ждал у ворот, и как только он увидел Хомсу, сразу же закричал:

– Ну что? Как дела?

– Они не хотят, – сказал убитый горем Хомса. – Вместо этого они хотят открыть каток. А большинство из нас впадает на зиму в спячку, да и кто даст нам коньки?..

– Какая жалость! – облегченно воскликнул Хемуль.

Хомса не отвечал, он был слишком огорчен. Молча передав корзинку, он ушел.

"Бедное дитя", – подумал Хемуль. Подумал – и снова вернулся к размышлениям о хижине из листьев, которую он собирался построить на развалинах бабушкиного дома.

Пребывая в отличном настроении, Хемуль весь день провозился с хижинкой и не прерывал своего занятия до тех пор, пока не стемнело настолько, что уже нельзя было продолжать работу.

Счастливый и усталый, он улегся спать и на следующее утро встал довольно поздно.

Когда он пришел к воротам, чтобы забрать свой обед, Хомса уже ждал его. На крышке корзинки лежало письмо, подписанное множеством ребятишек. "Дорогой дядюшка из парка, – прочитал Хемуль. – Мы принесли тебе это, потому что ты очень добрый, и мы, наверное, сможем приходить к тебе поиграть, потому что мы тебя любим".

Хемуль ничего не понял, но им овладело ужасное предчувствие.

И тут он увидел такую картину. За решетчатыми воротами дети разложили все, что сумели найти из обломков аттракционов. А нашли они немало. Большая часть их находок была изломана и собрана вновь, но совершенно неправильно. Так что взгляду представлялось довольно странное зрелище: все предметы словно утратили свое первоначальное назначение – пестрый мир дерева, шелка, стальной проволоки, бумаги и покрытого ржавчиной железа с грустью и надеждой взирал на Хемуля.

Хемуль в панике бросился бежать. Укрывшись в парке, он вновь занялся своей хижинкой отшельника.

Он все строил и строил, но ничего у него не получалось. Он никак не мог сосредоточиться и работал слишком торопливо, думая при этом о чем-то постороннем. И вот крыша вдруг завалилась набок, и вся хижина рухнула к его ногам.

– Ну, нет, хватит, – сказал Хемуль. – Я не хочу. Я же научился говорить "нет". Я на пенсии. Я хочу делать только то, что мне нравится. И ничего больше.

Он повторил это несколько раз, и каждый раз все более решительно. Затем поднялся, пересек парк, открыл ворота и начал затаскивать весь тот хлам, что валялся за воротами.

Ребятишки расселись на высокой, местами обвалившейся стене, окружавшей парк. Точь-в-точь как воробышки, только притихшие.

Время от времени кто-нибудь шепотом спрашивал:

– А что он сейчас делает?

– Тсс, – отвечали ему. – Он не любит, когда ему мешают.

Хемуль развесил на деревьях фонарики и бумажные розы. Теперь он возился со штуковиной, которая когда-то была каруселью. Ни одна из ее частей совершенно не подходила к другой, а половина карусели и вовсе отсутствовала.

– Ничего не выйдет, – рассердился Хемуль. – Вы только посмотрите! Сплошной хлам и старье! Нет, нет! Не надо мне помогать!

Ропот пронесся над каменной стеной, однако никто не произнес ни слова.

А Хемуль попытался сделать из карусели дом. Он поставил лошадку на траву, лебедей опустил в ручей, а то, что оставалось, крутил и так и эдак, работая с таким усердием, что у него аж шерсть дыбом встала. "Игрушечный домик! – с горечью думал он. – Хижина отшельника! Все это кончится дурацкими забавами на куче мусора, шумом и гамом, как было всю мою жизнь..."

Он поднял голову и закричал:

– Ну чего расселись! Сбегайте к хемулям и скажите, что я завтра не буду обедать! А вместо обеда пусть лучше пришлют гвозди, молоток, веревку и несколько реек!

Малыши радостно засмеялись и убежали.

"Ну что мы говорили?! – кричали хемули и колотили друг друга по спине. – Ему скучно. Бедняжка истосковался по своим аттракционам!"

И они прислали ему не только то, что он просил, но еще и еды на неделю, десять метров красного бархата, огромное количество золотой и серебряной фольги и на всякий случай еще шарманку.

– Нет, нет, – сказал Хемуль. – Музыкальному ящику здесь не место. Не выношу ничего, что производит шум!

– Конечно, конечно, – тотчас же согласились дети и оставили шарманку за воротами.

А Хемуль все строил да строил. И пока он работал, у него непроизвольно возникла мысль, что все выходит как нельзя лучше.

На деревьях, колеблемые ветром, сверкали тысячи зеркальных осколков. На верхушках деревьев Хемуль устроил маленькие сиденья и уютные гнездышки, где можно было сидеть и пить сок или спать, оставаясь невидимым. А к самым крепким ветвям он подвесил качели.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

С американскими горками дело обстояло хуже. Они могли получиться втрое короче, чем прежде, потому что от них мало что осталось. Но Хемуль утешал себя мыслью, что зато теперь никто не станет пугаться и поднимать крик.

Он кряхтел и отдувался. Когда удавалось поднять одну половину, другая падала набок.

Наконец он разозлился и закричал:

– Да помогите кто-нибудь! Я же не могу делать десять дел сразу!

Малыши все как один соскочили со стены и бросились на помощь.

С этой минуты они все делали вместе, а хемули давали детям с собой столько еды, сколько нужно, чтобы провести в парке целый день. Вечером они расходились по домам, но с восходом солнца вся компания уже стояла у ворот. И в одно прекрасное утро они притащили на веревочке крокодила.

– А он правда не будет шуметь? – подозрительно спросил Хемуль.

– Нет, что ты, – сказал Хомса. – Он не говорит ни слова.

Теперь, когда у него осталась всего одна голова, он стал очень задумчивым и молчаливым.

Как-то раз сын Филифьонки нашел в кафельной печке удава, который оказался очень милым и симпатичным, и поэтому тотчас же был доставлен в бабушкин парк.

Вся округа посылала Хемулю разные редкие вещицы, а также и самые обыкновенные кастрюли, занавески, карамельки, печенье и все, что попадалось под руку. Каждое утро Хемулю отправляли подарки, у окрестных жителей это стало какой-то манией. И Хемуль все принимал, только бы подарок не производил шума.

Но никому, кроме детей, не разрешалось к нему заходить.

А парк с каждым днем приобретал все более фантастический вид. И в самом центре находился домик, построенный Хемулем из обломков карусели. Разноцветный и весь перекошенный, домик этот больше всего походил на огромный кулек из-под карамели, который кто-то смял и бросил в траву.

Внутри домика рос розовый куст с множеством красных бутонов.

И вот в один чудесный теплый вечер все было готово. Все было уже окончательно готово, так что Хемулю даже немножко взгрустнулось.

Они зажгли фонари и теперь стояли и любовались делом своих рук.

На огромных темных деревьях сверкали осколки зеркал, серебряные и золотые украшения, и все было в полном порядке – заперуды, лодки, горки, киоск с прохладительными напитками, качели и многое другое.

– Приступайте, – сказал Хемуль. – Но не забывайте, что это вам не парк с аттракционами, это парк тишины.

Малыши, не издав ни звука, исчезли в этом чудесном мире, в создании которого была доля и их труда. Только Хомса, оглянувшись, спросил:

– А ты не огорчился, что не можешь пробивать билеты?

– Нет, – сказал Хемуль. – Я ведь все равно бы щелкал щипцами только для вида.

Он зашел в свой карусельный домик и зажег луну из павильона чудес. Потом улегся в Филифьонкин гамак и стал смотреть на звезды через дырку в крыше. Снаружи не доносилось ни звука. Он слышал лишь журчание ручьев и шум ночного ветра.

Внезапно Хемуля охватила тревога. Он приподнялся и прислушался. Тишина.

"А вдруг им стало скучно, – озабоченно подумал он. – Может быть, они не могут веселиться, если не орут во все горло?.. Может, они ушли домой?"

Он вскочил на комод, подаренный Гафсой, и через дыру в крыше высунул голову наружу. Нет, они не ушли. Весь парк был полон шорохов, таинственных и чарующих звуков. Он слышал плеск воды, хихиканье, легкие удары о землю... И повсюду приглушенный топоток резвых маленьких ножек. Им было весело!

"Завтра, – подумал Хемуль, – завтра я им скажу, что они могут смеяться и, может быть, даже тихонько напевать, если уж это так необходимо. Но не более того. Ни в коем случае не более того".

Он слез с комода и снова улегся в гамак. И почти сразу же уснул, уже больше ни о чем не тревожась.

За запертыми решетчатыми воротами стоял дядюшка Хемуля и пытался заглянуть в парк. "Что-то не похоже, чтобы им там было очень весело, – думал он. – Что ж, каждый веселится по-своему.

А мой бедный родственник – он ведь всегда был немного странным".

Шарманку же дядюшка забрал домой, потому что он очень любил музыку.